

ПОЭЗИЯ
КРЫМА

Сборник
Поэзия Крыма

«Знакъ»

1909

ББК 84(2Рос=Рус)1-5

Сборник

Поэзия Крыма / Сборник — «Знакъ», 1909

ISBN 978-5-91638-153-5

Вакханалия природы и жизни создала из Крыма бриллиант, трепетный, переливчатый; природа и жизнь стянула на небольшое пространство все, что у неё было красивого, радостного и скорбного и здесь, в Крыму, создала свой пантеон... А люди, увлеченные природой, входят в калейдоскоп и переливаются в смене лиц и одежд, здоровых и больных, гаснущих, расцветающих и цветущих. И вот — поэты, чуткие, глубже воспринявшие природу и жизнь, запечатлели свои настроения, свои переживания в музыкальных стихах. Они пришли разные, со своеобразными душами и создали ряд танцующих образов и звуков. Подойдите к ним ближе, остановитесь над ними, над их восприятиями, и поэты заразят Вас своими переживаниями, углубят Вас, а тогда и море, к небо, и скалы, и берега, цветы и любовь — все будет цельнее, глубже. Поэты создадут гамму настроений, заставят пережить полнее и цельнее всю красоту, все обаяние, все разнообразие Крыма. И многое, что скользнуло бы по мозгу, затаится в его извилинах, начнет расти и расцветет в прекрасный цветок очарования...

ББК 84(2Рос=Рус)1-5

ISBN 978-5-91638-153-5

© Сборник, 1909

© Знакъ, 1909

Содержание

Поэзия Крыма	6
К. Бальмонт	7
Аюдаг	7
Крымская картинка	8
В. Бенедиктов	9
Близ берегов	9
Потоки	10
В. Брюсов	12
И. Бунин	15
Учан-Су	15
В крымских степях	16
После дождя	17
Штиль	18
На винограднике	19
На даче	20
С обрыва	21
Океаниды	22
Дия	23
Граф П. Бутурлин	24
Крымские песни	24
А. Бородин	30
Яйла	30
И. Белоусов	31
Аюдаг	31
Хребет Яйлы	32
У байдарских ворот	33
У Ай-Петри	34
Князь П. Вяземский	35
Месячная ночь	35
Возвращаясь из Кореиза	38
«Слуху милые названья...»	39
Аюдаг	40
Граф А. Голенищев-Кутузов	42
Крымский альбом	42
На берегу	42
Ночь	42
Там и здесь	42
В преддверии	43
Прощание	44
Ай-Петри	45
Исар	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Поэзия Крыма

© Издательство «Знакъ», 2019

Поэзия Крыма (Предисловие)

Благодатная страна! Благословенная страна!

На маленьком клочке земли такое пышное сочетание всего, чем гордится природа: изменчивое многоцветное море – симфония красок и звуков, скалистые горы, ароматные степи, водопады и горные потоки, неустанно поющие песни, и звонкие ручьи, бегущие по весёлым и шумным долинам; тёмные пещеры – эти подземные храмы с гулкой тишиной, с влажными арками и колоннадами, с органами из сталагмитов, с тонким кружевом и тяжёлою бронзой; скалы, обрывающиеся в глубокие пропасти и скалы, бежавшие к морю, как огромные звери, окаменевшие в беге своём; янтарные берега, дружные с морем; степные травы, вереск и сосна, металлические буки, гордые кипарисы, блестящие магнолии, воздушные глицинии и яркий ковёр радужных цветов...

А надо всем южное небо с крупными цветами звёзд, прозрачный воздух, лёгкий, благоухающий, розовые сумерки и тёмные жгучие ночи, и вечная ясность.

И, как бы остановилась весна и грезит цветами: и в лёгкой пляске несутся цветы... Скромные подснежники, нежные фиалки, гибкие глицинии, стройные розы, пьяные гвоздики, мраморные хризантемы, нежные фиалки, скромные подснежники.

Какой-то цветочный круговорот – яркий и вдохновенный.

И рассыпались по снежным долинам изящные города с кудрявыми садами и томными парками, приютились на склонах гор и холмов небольшие татарские деревушки со строго очерченными минаретами.

Какие нервные, прихотливые контрасты: больной, задумчивый и приехавший любить и наслаждаться природой и жизнью; горный первобытный татарин и европеец, изысканный, тонкий; кипучая жизнь и тихая смерть, углублённый ум и зыбкая поверхностная душа...

Вакханалия пышной природы и жизни создала из Крыма редкий бриллиант, трепетный, переливчатый; природа и жизнь стянула на небольшое пространство всё, что у неё было красивого, радостного и скорбного и здесь, в Крыму, создала свой пантеон...

А люди, увлечённые природой, входят в калейдоскоп и переливаются в смене лиц и одежд, здоровых и больных, гаснущих, расцветающих и цветущих.

И вот – поэты, чуткие, глубже воспринявшие природу и жизнь, запечатлели свои настроения, свои переживания в музыкальных стихах.

Они пришли разные, с своеобразными душами и создали ряд танцующих образов и звуков.

Подойдите к ним ближе, остановитесь над ними, над их восприятиями, и поэты заразят Вас своими переживаниями, углубят Вас, а тогда и море, и небо, и скалы, и берега, цветы и любовь – всё будет цельнее, глубже. Поэты создадут гамму настроений, заставят пережить полнее и цельнее всю красоту, всё обаяние, всё разнообразие Крыма. И многое, что скользнуло бы по мозгу, затаится в его извилинах, начнёт расти и расцветёт в прекрасный цветок очарования...

К. Милль

Крымская картинка

Всё сильнее горя,
Молодая заря
На цветы уронила росу.
Гул в лесу пробежал,
Горный лес задрожал,
Зашумел между скал водопад Учан-Су.
И горяч, и могуч,
Вспыхнул солнечный луч,
Протянулся, дрожит, и целует росу,
Поцелуй его жгуч,
Он сверкает в лесу,
Там, где гул так певуч,
Он целует росу,
А меж сосен шумит и журчит Учан-Су.

В. Бенедиктов

Близ берегов

В широком пурпуре Авроры
Восходит солнце. Предо мной
Тавриды радужные горы
Волшебной строятся стеной.
Плывём. Всё ближе берег чудный,
И ряд заоблачных вершин
Всё ближе. У кормы дельфин
Волной играет изумрудной
И брызжет искрами вокруг.
Вот пристань. – Зноем дышит юг,
Здесь жарко-сладок воздух чистый,
Огнём и негой разведён,
И как напиток золотистый
Из чаши неба пролит он.
Там – в раззолоченном уборе
Границ незнающее море
С небесной твердью сведено,
А тут – к брегам прижаться радо,
И, только именем черно,
Слилось лазурное оно
С зелёным морем винограда.
К громадам скал приник залив,
И воды трепетные млеют,
И, рощи лавров отразив,
Густые волны зеленеют.

Потоки

Не широки, не глубоки
Крыма водные потоки,
Но зато их целый рой
Сброшен горною стеной —
И бегут они в долины,
И чрез камни и стремнины
Звонкой прыгают волной,
Там вьясь в живом узоре,
Там теряясь между скал,
Или всасываясь в море
Остриём змеиных жал.
Смотришь: вот земля вогнулась
В глубину глухим котлом
И растительность кругом
Густо, пышно развернулась.
Чу! Ключи, ручьи кипят, —
И потоков быстрых змейки
Сквозь подземные лазейки
Пробираются, шипят;
Под кустарником кудрями
То скрываются в тени,
То блестящими шнурами
Меж зелёными коврами
Передернуты они,
И открыты лишь частями,
Шелковистый режут дол,
И жемчужными кистями
Низвергаются в котел.
И порой седых утёсов
Расплываются глаза,
И из щелей их с откосов
Брызжет хладная слеза:
По уступам в перехватку,
В пересыпку, в перекатку,
Слёзы те бегут, летят,
И снопами водопад,
То в припрыжку, то в присядку,
Бьёт с раската на раскат;
То висит жемчужной нитью,
То, ударив с новой прытью,
В перегиб и в перелом
Он клубами млечной пены
Мылит скал крутые стены,
Скачет в воздух серебром,
На мгновенье в безднах вязнет

И опять летит вперёд,
Пляшет, отпрысками бьёт,
Небо радугами дразнит,
Сам себя на части рвёт...

В. Брюсов

I

Звезда затеплилась стыдливо,
Стопились тени у холма;
Стихает море; вдоль залива
Редает пенная кайма.
Уже погасли пятна света
На гранях сумрачных вершин, —
И вот в селенье с минарета
Запел протяжно муэдзин.

II

У перекрёстка двух дорог
Журчанье тихое фонтана;
Источник скуден и убог;
На камне надпись из Корана.
Здесь дышит скромный кипарис,
Здесь дремлет пыльная олива,
А ручеек сбегает вниз,
К побережью вольного залива.

III

Где подступает к морю сад,
Я знаю грот уединённый:
Там шепчет дремлющий каскад,
Там пруд недвижим полусонный.
Там дышат лавры и миндаль
При набежавшем тихом ветре,
А сзади, закрывая даль,
Уходит в небо пик Ай-Петри.

IV

День растоплен; море сине;
Подступили близко горы.

Воздух чист, и чёткость линий
Утомляет взоры.
Под столетним кедром – тени,
Отзвук утренней прохлады.
Слушай здесь, отдавшись лени,
Как трещат цикады.

V

Кипит встревоженное море,
Мянутся волны, как в плену;
Померк маяк на Ай-Тодоре,
Вся ночь приветствует луну.
Луна державно делит море:
То мрак, то отблесков игра.
И спит в серебряном просторе
Мир парусов из серебра.

VI

Волны приходят и волны уходят,
Стелются пеной на берег отлогий,
По морю тени туманные бродят,
Чайки летят и кричат, как в тревоге.
Много столетий близ отмели дикой
Дремлют в развалинах римские стены,
Слушают чаек протяжные крики,
Смотрят на белое кружево пены.

VII

Обошла тропа утёс,
Выше всходят буки.
Позади лесные звуки,
Крики птиц и диких коз.
Впереди редее лес,
Камни у вершины,
Ветра свист, полёт орлиный,
Даль земли и даль небес.

VIII

Небо чернело с огнями,
Море чернело без звёзд.
Плотно обложен камнями
Был изогнутый объезд.
Вниз виноградник по скату
Тихо спускался; толпой
Кустики жались брат к брату...
Помнишь? мы шли той тропой!

И. Бунин

Учан-Су

Свежее веет воздух горный,
Невнятный шум идёт в лесу:
Поёт весёлый и проворный
Со скал летящий Учан-Су!
Глядишь – и точно застывая,
Но в то же время ропот свой,
Свой лёгкий бег не прерывая, —
Прозрачной пылью снеговой
Несётся вниз струя живая, —
Как тонкий флер, сквозит огнём,
Скользит со скал фатой венчальной
И вдруг и пеной, и дождём
Свергаясь в чёрный водоём,
Бушует влагою хрустальной...
А горы в синей вышине!
А южный бор и сосен шёпот!
Под этот шум и влажный ропот
Стоишь, как в светлом полусне!

В крымских степях

Синеет снеговой простор,
Померкла степь. Белее снега
Мерцает девственная Вега
Над дальним станом крымских гор.
Уж сумрак пал, как пепел сизый,
Как дым угасшего костра, —
Лишь светится багряной ризой
Престол Аллы – Шатёр-Гора.

После дождя

Всё море – как жемчужное зеркало,
Сирень с отливом млечно-золотым,
И как тепло перед закатом стало,
И как душист над саклей тонкий дым.

Вот чайка села в бухточке скалистой
Как поплавок... Взлетает иногда —
И видно, как струёю серебристой
Сбегают с лапок розовых вода,

У берегов в воде застыли скалы,
Под ними светит жидкий изумруд.
А там, вдали – и жемчуг и опалы
По золотистым яхонтам текут.

Штиль

На плоском взморье – мёртвый зной и штиль.
Слепит горячий свет, струится воздух чистый.
Расплавленной смолой сверкает чёрный киль
Рыбацкого челна на мели золотистой.

С нестройным криком голых татарчат
Сливается порой пронзительный и жалкий,
Зловещий визг серебряной рыбалки...
Но небо ясно, отмели молчат.

Разлит залив зеркальностью безбрежной,
И глубоко на золоте песка,
Под хрусталём воды, сияет белоснежный
Недвижный отблеск маяка.

На даче

Луна ещё прозрачна и бледна.
Но розовеет пепел небосклона —
И золотится берег. Уж видна
Тень от узорной туйи у балкона.

Пойдём к обрывам. Млеющей волной
Вода переливается. И вскоре
Из края в край под золотой луной
Затеплится и засияет море.

Ночь будет ясная, весёлая. Вдали,
На рейде, две турецких бригантины.
Вот поднимают парус. Вот зажгли
Сигналы – изумруды и рубины.

Но ветра нет. И будут до зари
Они дремать и медленно качаться,
И будут в лунном свете фонари
Глазами утомлёнными казаться.

С обрыва

Стремнина скал. Волной железной
Здесь плоскогорье поднялось
И над зияющей бездной,
Оцепенев, оборвалось.

Здесь небо ясно, – слой тумана
Ползёт под нами, как дракон, —
И моря синяя нирвана
Висит в пространстве с трёх сторон.

Но дико здесь. Как руки фурий,
Торчит над бездною из скал
Колючий, искривлённый бурей,
Сухой и звонкий астрагал.

И на заре седой орлёнок
Шипит в гнезде, как василиск,
Завидев за морем спросонок
В тумане сизом красный диск.

Океаниды

В полдневный зной, когда на щебень,
На валуны прибрежных скал,
Кипя, встаёт за гребнем гребень,
Крутясь, идёт за валом вал, —

Когда изгиб прибоя блещет
Зеркально вогнутой грядой
И в нём сияет и трепещет
От гребня отблеск золотой.

Как весел ты, о буйный хохот,
Звонящий смех Океанид,
Под этот влажный шум и грохот
Летящих в пене на гранит!

Как звучно море под скалами
Дробит на солнце зеркала
И в пене, вместе с зеркалами,
Клубит их белые тела!

Дия

Штиль в безгранично-светлом Ак-Денизе.
Зацвёл миндаль. В ауле тишина
И тёплый блеск. В мечети на карнизе,
Воркуя, ходят, ходят турмана.

Пригретый лаской солнечного света,
Сегодня в полдень слаще и грустней,
Задумчивей, чем прежде, с минарета
Пел муэдзин... И всё следил за ней.

Дышал он морем, тонким ароматом
Садов в цвету, теплом небес, земли...
А Дия шла по каменистым скатам,
По голышам меж саклями – к Али...

К Али? О, нет. На скате под утёсом
Журчит фонтан. Идут оттуда вниз
Уступы крыш по каменным откосам
И безграничный виден Ак-Дениз,

Она уж там. Но весел и спокоен
Взгляд карих глаз. Легка, как горный джинн,
Под шелковым бешметом детски-строен
Высокий стан... Она нальёт кувшин,

На камне сбросит красные папучи
И будет мыть, топтать в воде бельё...
– Журчи, журчи, звени, родник певучий!
Она глядится в зеркало своё.

Граф П. Бутурлин

Крымские песни

I

На мягкой синеве полуночных небес,
Как семь алмазов, искрятся стожары;
В объятьях тёмных гор, где дремлет тёмный лес,
Лениво грезя, замерли Байдары.

Исчезла жизнь, и сон – и вечный сон царит;
Лишь только изредка в дали туманной,
В таинственной дали, протяжно прозвучит
Обрывок песни жалобной и странной.

II

О, верно, верно, вы давно забыли
Тот славный вечер у Гурзуфских скал!
На небе тучки алые застыли, —
Недвижные, как будто ветер спал, —
И в бледном море, где волна дремала,
Румяный отблеск их играл,
Как розовый отлив средь бледного опала...
Казалось, сумерек сиреневая тень
Мрачила, летний, не осенний день!
Сидели мы, где плющ и виноград покрыли
Когда-то с гор скатившийся обвал,
Где айвы плод благоухал
И жёлтый дрок так дерзостно сиял.
Сидели мы одни, о чём-то говорили...
И по небу скользил тончайший серп луны...
Вы всё забыли, нет сомненья,
(Он так давно померк, тот вечер упоенья),
И я забыл, как забывают сны,
Наш тихий спор без увлечения,
Да понимал ли я, что милые уста
Шептали в этот час, — час нежный, как мечта?
Мне слишком хорошо всё помнится блистанье
Той молодой луны, плодов благоуханье,
И жёлтый дрок... и ваша красота!

III

Бледное море под бледным дождём!
Грустен сегодня напев твой смиренный;
Нет ни угроз, ни отчаянья в нём:
Точно печали поры отдалённой
(Блёклые грезы о блёклом былом!)
Вспомнило море...

Старое, старое, полузабытое горе!..
О, и в душе сиротливой моей
Старое горе опять пробудилось, —
Прежде, — давно, — на весне моих дней,
Пышной надеждой оно засветилось...
Нет и следа от потухших лучей!
Ропщет ненастье!
Старое, старое, полузабытое счастье!..

IV

Волны бросаются жадной грядой;
Буря шумит и растёт непогода.
Берег исчезнет под чёрной водой:
Волны бросаются жадной грядой.
С хохотом дико сливается вой,
Словно безумно страдает природа;
Волны бросаются жадной грядой,
Буря шумит и растёт непогода.

V

В тени кипарисов угрюмых
Блестят жемчугом миндали,
Счастливые юной отрадой,
Отрадой воскресшей земли.

Грустят о зиме кипарисы:
Бывало, от этих ветвей,
От зелени этой печальной
Казалась земля веселей.

Теперь кипарисы забыты
В весенней отраде земли:
Они безобразно чернеют!..
Блестят жемчугом миндали.

VI

Ночь кончилась уже; давно рассвет сереет,
Но дню как будто лень открыть свои глаза.
Последняя звезда дрожит и чуть светлеет,
Как неупавшая ещё с ресниц слеза.
В ущельях Яйлы на верхушках леса
Туман цепляется, как тонкая завеса.

Но кончился рассвет; от крайних волн победно
До высшего хребта, как розовый поток,
Сверканье хлынуло, и ночи призрак бледный
На западе исчез; весь в пурпуре восток...
И свежий воздух дышит сладострастьем,
И жизнь не кажется трудом, а только счастьем.

VII

Чуть рябится, всё проникнуто лучами,
Фиолетовое море;
Плещутся дельфины резвыми стадами
На просторе;

И вокруг утёсов строим безмятежным,
Гимн таинственный рифмуя,
Вал за валом умирает с звуком нежным
Поцелуя.

Хмурятся утёсы, как во дни ненастья.
Что им яркость волн, иль ласка!
Словно сердце, для которого и счастье —
Только сказка!

VIII

Хоть в Ялте крокусы ещё не зацвели,
В горах фиалками леса благоухали
И в горы далеко с тобою мы пошли.
Последний снег белел над Учан-Су вдали;
Залив у наших ног синей был синей стали;
Дул свежий ветер, – волновал леса
И взбил тебе так мило волоса!

Нам было хорошо, и мы не говорили:
Да и к чему слова!.. о, крепко мы любили.

Ты помнишь ли тот день? Таких лазурных дней
Не видит Север наш холодный и ненастный.

Весна прелестна там под мягкой синевой,
Как очи русских дев, серебристо-голубой;
Но старца дочь она и плод любви бесстрастной.
Её, почти без солнца и без нег,
Не тёплый дождь родит, а талый снег.

А наше счастье? оно ль не роза юга?
Не там, не там, – а здесь мы поняли друг друга.

IX

Фруктовые сады меж тёмными лесами
По скатам Яйльских гор в сиянии луны
Белеют лёгкими, как бабочки, цветами.
И, мило убрана той дымкою весны,
Как ханша юная чадрую серебристой,
Таврида нежится у дремлющей волны,
И, глядя в мраке вод на лунный след лучистый,
Влюблённо слушает, как первый соловей
Поёт свой первый гимн полуночи душистой.
О чём, о, птиц поэт, о, мощный чародей,—
Загадочный рапсод, то страстный, то
печальный, —
Поёшь ты в тайнике скрывающих ветвей?
Увы! кто может знать! А песнь в ночи
кристальной
Звенит и ширится: за трелью льётся трель
И ночь звучна тобой, о, лирик идеальный!
О, пой, о пой ещё... про сладострастный хмель
Любви и юности, про счастье иль про горе...
Не всё ль равно? лишь пой!.. Вокруг цветёт
Апрель,
Луна меж звёзд плывёт в безоблачном просторе,
Пахучий воздух спит и вздохами волны
Напеву твоему так нежно вторит море;
И в этот дивный час, средь чуткой тишины,
Ты нужен, как душа, как смысл, как выраженье
Красы, которой мир и небеса полны.
Пой, пой, ещё... твоё живое вдохновенье
Не только ночь живит; но и людских сердец
Усталость ты бодришь, даруя упоенье.
Ты каждому твердишь, о, вкрадчивый певец,
Ту сладостную песнь, ту сказку упования,
Которой жаждет он, как отдыха боец:
Где скорби слышатся ответные рыдания,
Там счастьем чудится надменною мечтой,
Что с ним ликуешь ты всей бурей ликования.
Пой! тонет жизнь, как чёлн под ярою волной,
И грёза вдаль летит, оперена тобой!..

Х

О, море, о песенник — море!
О, дымчато-синие скалы!
О, рощи, где с лаврами шепчется ветер
Про чудную быль героических дней! —
Восторгов неведомых сладость
Вы, щедрые, мне даровали,

И путник случайный у ног кипарисов
Тавриды я сердце своё схоронил!
В стране долгих зорь и метелей,
На родине нашей унылой,
Я вспомню с мучительной радостью пленных
И солнце, и вас... и её поцелуй!

А. Бородин

Яйла

Скрипит арба. Шоссе извив узорный.
В горячем полусне ползут, ползут волы.
Последний перелом, как сталь, иссиня-чёрный
Вознёсся и навис молчащий пик скалы.
И вот ликующий, зелёный луг Яйлы.
Звнящий ветер гор прозрачный и просторный
И над вершинами, как фимиам нагорный,
В полётах голубых могучие орлы.
Как жрец я на алтарь сверкающий вознёс
Бессонной радостью тоскующую душу
И гулким взмахом вниз свою печаль обрушу
В стремнину жадную, как вековой утёс.
И вздох завожив, безгранностью лаская,
Ещё безудержней сверкнёт мне даль морская.

И. Белоусов

Аюдаг (Медведь-Гора)

Он шёл из северных лесов
Равниной, солнцем опалённой,
И к морю Чёрному пришёл
Усталый, утомлённый.

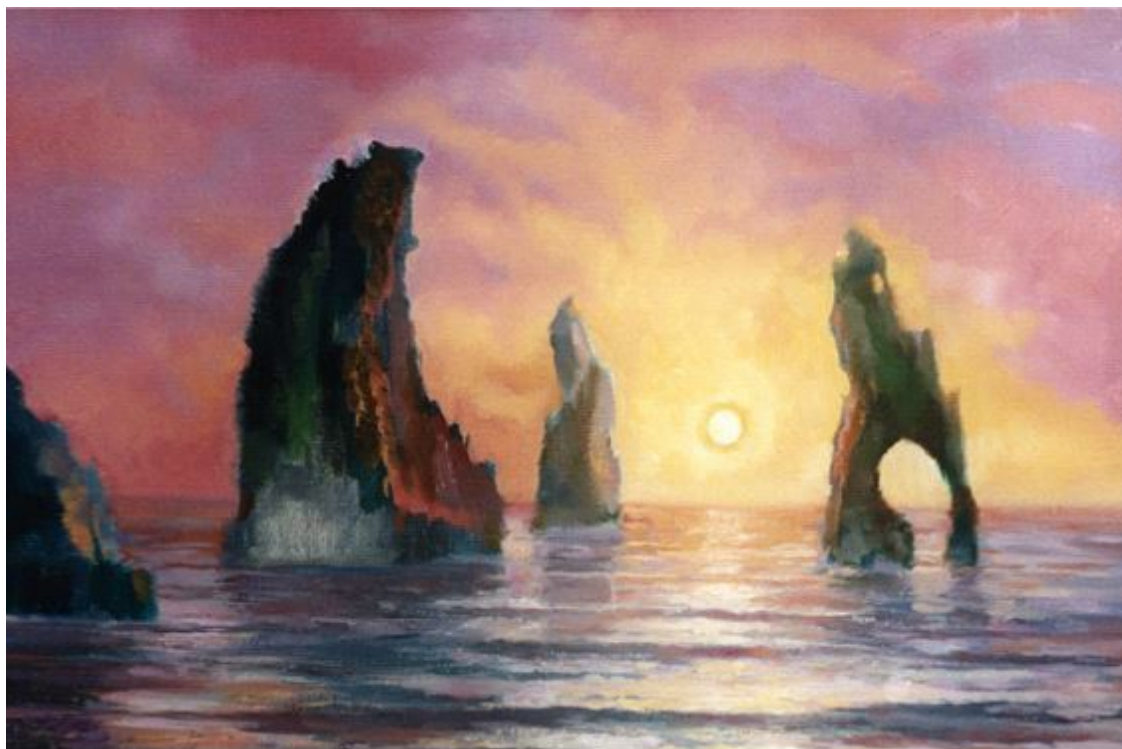
И грудь косматую свою
В глубь погрузил отрады полный,
И замер так... С тех пор его
Ласкают моря волны...

Хребет Яйлы

Огня подземного властитель
Повёл борьбу с морским царём, —
Громады камней раскалённых
Со дна он выдвинул с огнём.
Хотел он каменною грудью
На капли море раздробить,
Хотел его засыпать пеплом,
До дна в нём воду иссушить...
Велась и долго, и упорно
Стихий кровавая вражда.
Кто ж победителем остался, —
Огонь подземный, иль вода?
Сильны родством, любовью крепки
И в дружбе честны меж собой —
Соединились моря волны
Пред Яйлы каменной грядой,
А горы грозно отступили
И морю преградили путь...
С тех пор о берег плещут волны
И точат каменную грудь!..

У байдарских ворот

Я в Байдарах, – то сбылось,
Что давно я звал мечтой, —
Вся величественность моря
Развернулась предо мной.

Эта синяя громада
В блеске солнца, в блеске дня
Свежей влагою морскою
Вдруг дохнула на меня.
Затаив дыханье, с думой
Перед морем я стою:
Вот где силы духа смерить,
Утопить печаль мою...

У Ай-Петри

День умирал, и вздох последний
Вдруг замер с отблеском зари,
На волнах моря отражённый
И на вершинах Ай-Петри.
От скал на тихие долины,
Темнея, тени налегли,
А из долин, клубясь, к вершинам
Как дым, туманы поползли.
Уснуло всё под кровом ночи —
И в мёртвых скалах тишина,
И лишь слышней о берег плещет
Седая, тёмная волна...

Князь П. Вяземский

Месячная ночь

Там высоко в звёздном море,
Словно лебедь золотой,
На безоблачном просторе
Ходит месяц молодой,
Наш красавец ненаглядный,
Южной ночи гость и друг;
Всё при нём в тени прохладной,
Всё затеплилось вокруг:
Горы, скаты их, вершины,
Тополь, лавр и кипарис
И во глубь морской пучины
Выдвигающийся мыс,
Всё мгновенно просветлело —
Путь и тёмные углы,
Всё прияло жизнь и тело,
Всё воскреснуло из мглы.
С негой юга сны востока,
Поэтические сны,
Вести, гости издалёка,
Из волшебной стороны,—
Всё для северного сына
Говорит про мир иной;
За картиною картина,
Красота за красотой:
Тишь и сладость неги южной,
В небе звёздный караван,

Здесь струёй среброжемчужной
Тихо плачущий фонтан.
И при месячном сиянье,
С моря, с долу, с высоты
Выются в сребренном мерцанье
Тени, образы, мечты,
Новых чувств и впечатлений
Мы не в силах превозмочь:
Льёшься чашей упоений
О, таврическая ночь!
Вот татарин смуглолицый
По прибрежной вышине,
Словно всадник из гробницы,
Тенью мчится на коне, —
Освещённый лунным блеском,
Дико смотрит на меня,
Вдруг исчез! И море плеском
Вторит топоту коня.
Здесь татарское селенье:
С плоской кровлей низкий дом
И на ней, как привиденье,
Дева в облаке ночном:
Лишь выглядывают очи
Из накинута чадры,

Как зарницы тёмной ночи
В знойно-летние жары.

Возвращаясь из Кореиза

Усеяно небо звёздами,
И чудно те звёзды горят,
И в море златыми очами
Красавицы с неба глядят;
И зеркало пропасти зыбкой
Купает их в лоне своём
И, вспыхнув их яркой улыбкой,
Струится и брызжет огнём.
Вдоль моря громады утёсов
Сплотились в единый утёс:
Над ними колосс из колоссов
Ай-Петри их всех перерос.

Деревья, как сборище теней,
Воздушно толпясь по скалам,
Под сумраком с горных ступеней
Кивают задумчиво нам.
Тревожное есть обаянье
В сей тёплой и призрачной мгле;
И самое ночи молчанье
Несётся, как песнь по земле.
То негой, то чувством испуга
В нас сердце трепещет сильней;
О ночь благодатного юга!
Как много волшебного в ней!

«Слуху милые названья...»

Слуху милые названья,
Зренью милые места!
Светлой цепью обаянья
К вам прикована мечта.

Вот Ливадия, Массандра!
Благозвучные слова!
С древних берегов Меандра
Их навеяла молва.

Гаспра тихая! Красиво
Расцветающий Мисхор!
Ореанда, горделиво
Поражающая взор!

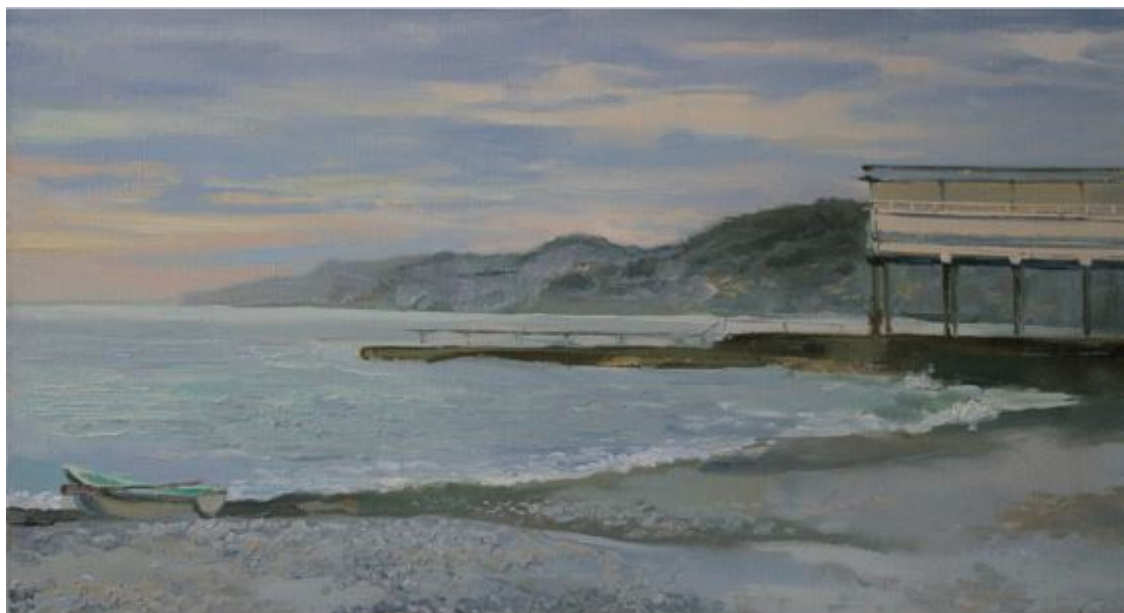
Живописного узора
Светлый, свежий лоскуток —
Кореиз, звездой с Босфора
Озарённый уголок.

Солнце, тень, благоуханье,
Гор Таврических краса,
В немерцающем сиянье
Голубые небеса!

Моря блеск и тишь, и трепет!
И средь тьмы и тишины
Вдоль побережья плач и лепет
Ночью плещущей волны!

Аюдаг

Там, где извилины дороги
Снуют свою вокруг моря сеть,
Вот страшно выполз из берлоги
Громадной тучности медведь.
Глядит налево и направо,
И в даль он смотрит свысока,
И подпирает величаво
Хребтом косматым облака.
В своём спокойствии медвежьем
Улёгся плотно исполин,
Любуясь и родным побережьем
И роскошью его картин.
Порой – угрюмый он и мрачный,
Порой его прелестен вид,
Когда, с закатом дня, прозрачной
Вечерней дымкой он обвит.
Порой на солнце в неге дремлет
И греет жирные бока;
Он и не чует, и не внемлет,
Как носятся над ним века.
Вотще кругом ревёт и рдеет
Гроза иль смертоносный бой,
Всё неподвижно, – не стареет
Он допотопной красотой.
Наш зверь оброс зелёной шерстью!..
Когда же зной его печёт,
Спустившись к свежему отверстию,
Он голубое море пьёт;
Сын солнца южного! На взморье
Тебе живётся здесь легко,
Не то, что в нашем зимогорье,
Там, в снежной ночи, далеко,
Где мишка, брат твой, терпит холод,
Весь день во весь зевает рот,
И, чтоб развлечь тоску и голод,
Он лапу медленно сосёт.
И я, сын северных метелей,
Сын непогод и бурных выюг,
Пришлец, не ведавший доселе,
Как чуден твой роскошный юг,
Любуясь, где мы ни проедем,
Тем, что дарит нам каждый шаг,
Я сам бы рад зажить медведем,
Как ты, счастливец Аюдаг!

Граф А. Голенищев-Кутузов

Крымский альбом

На берегу

Беглец житейских бед и зол,
К тебе, о море, я пришёл
На склоне дней, старик усталый,
И полюбил мой тусклый взор
Твоё сиянье, твой простор,
И берега твои и скалы...
Стою, охвачен весь тобой,
Стихает в сердце жизни горе;
Его ты победило, море,

Своей безбрежной красотой!
На долго ли?... К чему сомненье!
Меня живит твой блеск, твой шум;
В душе я чую пробужденье
Далёких грёз, давнишних дум.
Они бегут ко мне, как волны,
С приветом вольным и родным,
А я, счастливый и безмолвный,
Сквозь слёз, внимаю жадно им.

Ночь

Это звёздное небо в сиянье ночном,
Это синее море под лунным лучом,
Этот дремлющий берег и мерный прибой
Замирающих волн – как могуч их покой!
Как победно он льётся в усталую грудь,
Как в его волшебстве хорошо отдохнуть,
Позабыть истомившую сердце печаль,
Унести безвозвратно в безбрежную даль,
Где печаль над крылатой мечтой не властна,
Где лишь море, да небо, да ночь, да луна!

Там и здесь

Корить Ривьерой не дерзай
Наш берег Крыма благодатный,
Прогресса вымысел развратный,
С твореньем Божьим не ровняй!
Там европейский пошлый глянец
В курзалах, виллах и садах;
А здесь на девственных горах
Востока знойного румянец.
Там паровоза свист и гром,
Рулетки стук, бряцанье злата;
А здесь природа мирным сном
И чистой негою объята.
О, предпочту ль красе простой
Приманки лжи и лицемерья —
Нарядной дамы шлейф и перья —
Чадре татарки молодой.

В преддверии

Мне берег этот мил и дикой красотой
Кругом столпившихся утёсов, и узором
Пестреющих холмов, и неба синевой,
И моря южного целительным простором;
Но всех его красот дороже для меня
Душе лишь внятное, незримое для ока
И в сумраке ночей, и в тёплом свете дня
Дыхание востока...

Внимаю ль, как журчат таинственно ручьи
Под влажной зеленью в ущельях меж скалами,
Скрипучую ль арбу встречаю по пути,
В горах влачимую ленивыми волами,
И песнь унылую татарин в ней поёт;
А там, где стелется по склону виноградник,
За стенкой на коне, как призрак, промелькнёт
В чалме угрюмый всадник.

Иль в чуткой тишине, когда угаснет день,
И кипарисная в саду моём аллея
Кидает чёрную, задумчивую тень,
Под взором месяца, в молчанье цепenea;
И тихая волна, лепеча в полусне,
Ласкает край скалы, к воде склонённой низко,
Всё шепчет, говорит и напевает
Восток!.. он близко, близко!

И жадно с берега в таинственный простор

Подолгу я смотрю, – и там, вдали туманной,
Красою знойною мой опаляя взор,
Рисуется в мечтах мне край обетованный;
Встаёт усопший мир и светит вновь очам
И просится душа на древний клич Пророка,
Туда, к развалинам, пустыням и гробам
Священного Востока!

Прощание

Отчалил пароход... Приветный мирный край,
Где дни я проводил в тиши уединенья,
Где снова я познал тревогу вдохновенья,
Отраду тихих дум и сладких грёз – прощай!
Уж властные кругом кипят и брызжут волны
И в беге радостном влекут меня с собой
Куда-то прочь, – а я на палубе, безмолвный,
Стою, – и грудь моя сжимается тоской.
Увижу ль вас опять, суровые вершины
Над морем спящих гор и хмурые леса,
Кудрявые сады и влажные долины
И ясные, как взор младенца, небеса?
Вернусь ли вновь сюда, под это солнце юга,
К подножью этих скал, к побережью этих вод,
Иль там, на севере далёком, жизни вьюга
Меня в своих снегах и вихрях погребёт?
К чему загадывать? – Не побежит обратно
Гонимая во тьму грядущего волна;
Миг счастья, сверкнув, проходит безвозвратно,

Закинув в памяти лишь смутный образ сна.
Нет в жизни отдыха... Бесстрастно, недвижимо
Крутые берега над волнами стоят;
А я, покинув их, плыву всё мимо, мимо,
К ним молча устремив признательный мой
взгляд.

Ай-Петри

Дорогой, выющейся по рубежу стремнин,
Коляску кони мчат привычной, ровной рысью;
Далёко в небесах угрюмый исполин,—
Ай-Петри, – манит взор заоблачную высью.
По сторонам пути на лозах виноград
В приветной зелени кустов кудрявых зреет,
А под горой внизу... там взору нет преград!
Оттуда тихою прохладой с моря веет...
И странный грезится мне сон под стук колёс:
Ай-Петри выше всё растёт перед очами
И чудится – вот, вот, очнётся вдруг утёс
И, как орёл, взмахнёт могучими крылами,
Чтоб к солнцу улететь... но, пленник вековой,
Не властен за мечтой умчаться в мир
надзвёздный,
Сорвавшись, кинется в объятья тёмной бездны,
В то море синее, что дремлет под горой.

Исар

Меж двух гор, под их навесом,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.